

Л. Н. Мазур

АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ И СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В РОССИИ В XX в.

Одним из основных внешних факторов, определяющих динамику и направленность развития расселения, выступает экономика, а применительно к сельской поселенческой сети важнейшую роль играют формы организации и особенности функционирования сельскохозяйственного производства. В частности, для традиционного общества, где господствовало натуральное крестьянское хозяйство, дисперсность сельского расселения была неизбежным и вполне закономерным следствием. С переходом к стадии индустриального общества и укрупненным формам сельскохозяйственного производства, которые вытесняют мелкотоварное хозяйство, складывается центростремительная тенденция, получившая отражение в концентрации и укрупнении поселенческой сети. В конечном итоге и в том, и в другом случае поселенческая сеть соответствует (или стремится соответствовать) тем организационным формам, которые складываются в экономической сфере. В этом проявляются механизмы системного саморегулирования, которые свойственны расселению изначально.

В своей основе та перестройка сельской местности, которую мы наблюдаем в XX в., стала следствием процессов индустриализации сельскохозяйственного производства и осуществлялась параллельно с развитием аграрной сферы. Стадиальные перемены в аграрной экономике и сельском социуме получили название «агроперехода» и стали составной частью модернизации российского общества в XX в.¹ Агропереход охватывает все элементы аграрного производства: землепользование, технологии, технику, организационные формы, социально-демографическую структуру сельского населения и пр. Итог агроперехода — превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального на базе комплексной механизации, химизации, внедрения интенсивных технологий, достижений науки и агропромышленной интеграции.

Агропереход, по мнению Г. Е. Корнилова, включает две фазы:

I. Первая половина XX в., когда в сельское хозяйство постепенно начинают проникать и утверждаться новые веяния, связанные с внедрением более прогрессивных систем земледелия, кооперацией и механизацией.

цией сельскохозяйственного производства, складыванием новых производственных отношений, ставших отражением смены форм поземельной собственности. В рамках этой стадии развития аграрной сферы выделяются два внутренних этапа: с начала века до 1930-х гг. и 1930-е гг., когда произошла смена форм организации сельскохозяйственного производства и мелкое крестьянское хозяйство было вытеснено крупными государственными и кооперативными предприятиями. Особенностью этой организационной перестройки стал ее форсированный и насильственный характер, сопровождавшийся уничтожением части крестьянства и внедрением новых производственных отношений, основанных на плано-распределительных принципах регулирования экономики. Окончательное оформление колхозно-совхозной системы, которое в организационном, социальном, поземельном отношении завершается в предвоенный период, стало переломной точкой агроперехода;

II. В 1950-е гг. начинается вторая фаза, характерной чертой которой стала интенсификация сельскохозяйственного производства, повлиявшая на качественные изменения в аграрной сфере. Само понятие «интенсификация» появилось сравнительно поздно — в 1960-е гг., когда в условиях научно-технической революции на первый план вышли задачи повышения эффективности труда. В это время появляется множество работ экономистов-аграрников, посвященных теоретическим, методическим, техническим и технологическим аспектам роста производительности аграрного труда. Была сформулирована даже особая теория *эффективности социалистического производства* как одного из проявлений законов социализма². Критерием эффективности рассматривался рост производства сельскохозяйственной продукции при сокращении затрат, т. е. интенсификация воспринималась как средство повышения производительности труда. Однако это понятие приобрело не только экономический, но и политический смысл. Любопытно, что термин «интенсификация» и его толкование были впервые приведены в Программе КПСС, принятой в 1961 г. В ней всесторонняя механизация и интенсификация были обозначены как «главный путь подъема сельского хозяйства», суть которого состоит в «достижении на основе науки и передового опыта во всех колхозах и совхозах высокой культуры земледелия и животноводства, резком повышении урожайности всех культур и увеличении выхода продукции с каждого гектара при наименьших затратах»³. В окончательном варианте это понятие прозвучало в постановлении февральского Пленума ЦК КПСС 1964 г.:

«Вести хозяйство интенсивно — это значит:

- 1) получать больше продукции с гектара;
- 2) на основе механизации и химизации повышать производительность труда;

3) получать больше сельскохозяйственной продукции при меньших затратах»⁴.

Таким образом, в контексте экономической политики интенсификация сельского хозяйства понималась как комплекс мер, которые должны были качественно изменить аграрное производство, поднять его на новый уровень. Она включала следующие направления: повышение плодородия земли за счет проведения мелиорации и химизации; рост производительности труда на основе механизации и электрификации основных процессов сельскохозяйственного производства в земледелии и животноводстве; углубление специализации, кооперирования, интеграции сельскохозяйственных предприятий. В качестве важнейших условий интенсификации рассматривались рост капиталовложений в отрасль, а также повышение квалификации работников сельского хозяйства.

Таким образом, сельское хозяйство, будучи важнейшей отраслью экономики страны, также переживало коренную перестройку, причем наиболее ее активный этап приходился на 1930—1980-е гг. Внешне модернизация в этот период протекала под лозунгом социалистических преобразований, но общая направленность и решаемые задачи агроперехода были вполне закономерны и связаны с превращением сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Здесь в специфической форме проявляются те же процессы, которые свойственны промышленности: углубление разделения труда, техническое перевооружение, внедрение интенсивных технологий.

Неотъемлемым элементом модернизационного перехода, трансформации сельского хозяйства стал политический фактор, реализованный в виде системы управленческих решений, которые нашли отражение в аграрной политике правительства и особенно в аграрных реформах. Они стали наиболее ярким воплощением стадийной перестройки, т. к. каждая аграрная реформа, проводимая в российском обществе в XIX—XX вв., знаменовала собой новый этап трансформации аграрной сферы и была направлена на преодоление тех проблемных ситуаций, которые тормозили развитие сельского хозяйства, и в конечном счете ориентирована на его интенсификацию. Обычно в поле зрения исследователей попадает среда прямого воздействия управленческих решений: для аграрной политики это сельское хозяйство (производительные силы и производственные отношения) и крестьянство; соответственно экономический и социальный аспекты аграрной политики изучены наиболее полно. Вместе с тем реализация управленческих решений может давать и «попутный» отклик в других подсистемах общества, например в природно-экологической, культурно-бытовой и пр. К числу таких подсистем относится поселенческая сеть. Взаимодействие аграрной политики и системы

сельского расселения носит противоречивый характер, порой усиливая, а нередко нарушая естественные процессы эволюции поселенческой сети.

Первым крупным шагом, положившим начало агропереходу, стала крестьянская реформа 1861 г., заложившая основы новых поземельных отношений, хотя и не до конца реализованные. В определенном смысле реформа 1861 г. имела в большей степени социальный, а не экономический смысл, сохранив такие основы традиционной экономики, как общинную собственность на землю. В результате, развитие рыночных отношений шло очень медленно, как и внедрение новых технологий. Таким образом, вплоть до начала XX в. та перестройка, которая была инициирована либеральными реформами 1860—1870-х гг., шла в рамках организационных форм, характерных для традиционного общества — общины помещичьего хозяйства. В результате формирования аграрного рынка происходило с существенными деформациями, породив так называемый *аграрный вопрос* — основной вопрос всех русских революций.

Заметный шаг вперед в плане модернизации аграрной сферы был сделан с принятием Указа от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», который в 1910 г. стал законом, предоставившим крестьянам право свободного выхода из общины с укреплением надела в личную собственность. Положив начало разрушению общины и предложив инструменты постепенного замещения общинной поземельной собственности на частную, закон ускорил преобразование аграрной экономики на рыночной основе. При этом следует подчеркнуть взвешенный, осторожный подход к решению аграрного вопроса, за который часто ругают разработчиков реформы. Понимая, что община стала тормозом развития аграрной экономики, П. Столыпин, тем не менее, не пошел по пути ее запрета, а предложил крестьянам вариант добровольного выбора той формы собственности, которая их устраивает в наибольшей мере. Это в известной мере снимало социальную напряженность. Запрет и административный нажим могли привести к бунтам, выступлениям сторонников общины. Преодоление стереотипов мышления всегда требует времени, а применительно к крестьянской среде — десятилетий, что собственно и предвидел П. Столыпин, подчеркивая, что России требуется не менее 20 лет для достижения заметных результатов.

В законе особое внимание было уделено вопросам организации хуторских и отрубных хозяйств и их землеустройству. Именно этот аспект в наибольшей степени отразился в системе расселения регионов. Крестьянские хутора были известны задолго до проведения реформы. В Северо-Западной части Российской империи на территории Ковенской губернии еще в конце XVIII в. сложился район хуторского расселения, появившийся по инициативе князя И. Огинского. Крестьяне выселялись на

хутора — односелья, которые выделялись при разделе общинной земли. Хуторское расселение в этих местах сохранилось в XIX в., но развития не получило. В середине XIX в. хутора появляются в Царстве Польском, Прибалтийских губерниях, где эта форма землепользования утвердилась и стала активно использоваться в дальнейшем.

В центральных районах России становление хуторского расселения протекало сложнее. Первые попытки ведения хуторов в Московской губернии относятся к концу XVIII в., когда один из звенигородских помещиков (Е. И. Бланкеннагель) стал селить своих крестьян «отделенно дом от дома»⁵. Попытки по созданию усадебных крестьянских хозяйств предпринимались Удельным ведомством в 1839—1861 гг. В середине 1870-х гг. при Московском обществе сельского хозяйства была даже создана специальная Комиссия по хуторскому вопросу. Однако все попытки создания хуторов в центральных районах России не имели положительного результата. Как правило, отселенные хозяйства рано или поздно возвращались обратно в деревню или прекращали существование.

В конце XIX в. хуторское движение набирает силу, охватывая прежде всего западные районы страны — Житомирский, Владимирско-Волынский, Ковенский, Велижский, Витебско-Могилевский, Гродненский уезды. К 1904 г. здесь было расселено 942 селения и образовано 20 205 хуторов⁶.

Однако для большинства губерний Российской империи данный тип поселений не был характерен и появился только в ходе реализации реформы П. Столыпина. К 1915 г. в целом по стране было образовано 300 тыс. хуторов и 1,3 млн отрубов⁷. Основная масса поселений, основанных на участковом землепользовании, приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии.

На Урале итоги столыпинских преобразований были более скромными. По 4 губерниям (Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской) только около 10 % крестьянских дворов вышли из общины и укрепили в свою собственность землю, в т. ч. в Пермской губернии — 4 %. На хутора в Пермской губернии выделено 2,3 % дворов, в Вятской — 0,9 %, в Уфимской — 5,9 %⁸. Тем не менее опыт хуторского расселения оказался весьма интересным и получил дальнейшее развитие в 1920-е гг.

Дополнительным фактором, влияющим на динамику поселенческой сети восточных окраин страны, стала переселенческая политика. Переселение за Урал получило развитие еще в первой половине XIX в., постепенно приобретая все более организованные формы. А в 1889 г. с принятием закона, регулирующего размеры переселения, и организацией в Министерстве внутренних дел Переселенческого управления поток крестьян на неосвоенные земли Зауралья, Сибири и Алтая существенно возрастает. Здесь землеустроительными организациями создавались переселенческие участки, на которых во множестве появились новые поселения.

Однако пик переселения пришелся на Столыпинскую реформу. Общее число переселенцев в Российской империи за 1906—1914 гг. составило 3,8 млн человек, из которых было «водворено», т. е. устроено на переселенческих участках, 3,3 млн⁹. Переселение было ориентировано на освоение территорий Алтая, Сибири, Казахстана. Урал оказался в стороне от общего потока переселенцев, однако тоже испытал на себе влияние этого процесса. В целом за 1907—1914 гг. в Зауралье осело около 70 тыс. человек, которые Они на льготных условиях получали земельные участки и единовременные ссуды. В Пермской губернии переселенческие участки создавались в Ирбитском уезде, к 1908 г. многие из них уже были заселены. В последующие годы практика переселения крестьян из малоземельных губерний на восток — в Сибирь и на Урал — получила продолжение, способствуя освоению края.

Дальнейшие события — Первая мировая война, Октябрьский переворот, Гражданская война — оказали свое влияние на аграрный сектор. Для этого этапа были характерны две основные тенденции, одна из которых связана с нарастающим глобальным кризисом, охватившим экономику страны. В сельском хозяйстве это нашло отражение в сокращении объемов производства, площадей обрабатываемых земель, натурализации экономики и разрушении рыночных отношений, на смену которым пришли жесткий контроль и администрирование. В годы Гражданской войны сложилась система неэквивалентного обмена между городом и деревней, ущемлявшая интересы крестьян. Это привело к разворачиванию в 1919—1920 гг. крестьянской войны против всего и всех: и белых, и красных. Только смена приоритетов в крестьянской политике смогла остановить новую волну крестьянских выступлений, которая привела бы страну к окончательной катастрофе. Спасительным средством стала замена продразверстки продналогом и разрешение рыночных отношений, пусть и в ограниченных размерах. Таким образом, к 1921 г. с некоторыми отклонениями, но все же была воспроизведена система производственных отношений, характерная для предвоенного периода, что позволило решить задачи восстановления сельскохозяйственного производства и перейти к решению вопросов *«социалистической реконструкции»*.

Другим важным моментом стало изменение поземельных отношений. В 1917 г. Декретом о земле была объявлена общенародная собственность на землю, но фактически была установлена, а затем законодательно закреплена государственная собственность. Это привело к формированию новой системы поземельных отношений и поставило земледельцев в полную зависимость от государства и его политики.

В наиболее завершенном виде вопросы земельной собственности были регламентированы в Земельном Кодексе, принятом в 1922 г.¹⁰ Он определил основные принципы землепользования и ведения хозяйства,

основанные на признании государственной собственности на землю и приоритете интересов государства над интересами землепользователей. Кодекс установил основные формы «трудового» крестьянского землепользования (общинная, участковая, коллективная) как равноправные, но реально предоставил значительные преимущества коллективной форме.

В соответствии с Земельным кодексом 1922 г. советским правительством разрабатывается новая земельная политика, которая активно реализуется в 1920-е гг. Ее характерными чертами стали: организация работ по межселенному землеустройству; приоритетное внимание к созданию кооперативных и государственных хозяйств; разработка системы мероприятий по преодолению последствий сельскохозяйственного перенаселения, характерного для центральных районов страны, за счет переселения избыточного населения на малоосвоенные восточные земли.

В результате развернувшихся в 1920-е гг. работ по землеустройству земельными органами проводилось расселение многодворных деревень, образование выселков и хуторов, создание новых поселков (сельскохозяйственных комбинатов, коммун, трудовых артелей и пр.) — все это в совокупности обусловило рост численности сельских поселений и земельных обществ. В целом по РСФСР за 1922—1927 гг. было организовано свыше 4 тыс. новых поселков, в них выселено около 132 тыс. крестьянских дворов¹¹.

Наиболее активно работы по отводу земель под хутора и выселки проводились в первой половине 1920-х гг. В 1919—1920 гг. объем землеустроительных работ по «выделу» хуторов составил 0,03 %, в 1922 г. он вырос до 7,3 %; 1923 г. — до 9,8 %¹². Однако начиная уже с 1924 г., Наркомзем РСФСР принимает ряд решений, которые объективно были направлены на приоритетное развитие коллективных форм землепользования и существенно ограничивали хуторскую систему. В частности, циркуляр от 24.10.1924 г. «О прекращении хуторских разверстываний» предлагал отводить под хутора участки, не пригодные для образования поселков. На протяжении последующих лет число новых хуторских хозяйств резко сократилось. В 1924 г. объем землеустроительных работ по «выделу» на хутора составил 6 %; в 1925 г. — 5,3 %; в 1926 г. — 3,6 %; в 1927 г. — 2,2 %¹³.

Эта картина характерна и для Урала. В соответствии с данными справочника «Список населенных пунктов Уральской области» (1928) основная часть хуторов и выселков, образованных в 1920-е гг., возникла в период с 1922 по 1925 гг.¹⁴. С 1928 г. выдел на хутора сокращается и начинается процесс их сселения, который получил название расхуторизация. Окончательно хутора были ликвидированы в конце 1930-х гг., когда в связи с упрочением колхозного землепользования было проведено их планомерное сселение на колхозные усадьбы. В дальнейшем хутор как

населенный пункт, связанный с участковой формой землепользования, прекратил свое существование. Хотя в наименованиях поселений слово хутор продолжало упоминаться вплоть до конца 1960-х гг., указывая главным образом на их малодворность.

Землеустроительные работы, проводившиеся в 1920-е гг. были ориентированы в первую очередь на упорядочение крестьянского землепользования и чаще всего затрагивали межселенный аспект. Анализируя ситуацию с землеустройством, специалисты тех лет отмечали, что до революции недостатки общинного землеустройства — межселенная чересполосица, дальнотемелье — не были искорены. А на Урале они проявлялись с особой остротой, в частности в его западной и средней частях, где мелкоконтурность пашенных массивов и лесистость объективно мешали свести общинные земли в крупные участки¹⁵. В Кунгурском, Пермском, Сарапульском, Свердловском и Шадринском округах в одном месте компактно имели землю только 10,9 % селений, в 39,4 % случаях земельные массивы крестьянских обществ были разбросаны по 2—10 местам, 41,6 % обществ имели землю в 11—50 местах, а 8,1 % — в 50 и более. В среднем по 5 округам Центрального Урала пашенные участки отстояли от усадьбы на 3 километра у 13,7 % селений, а свыше 10 километров — 35,9 %¹⁶.

При проведении межселенного землеустройства землеустроители с учетом природных условий пытались так нарезать земельные массивы обществ, чтобы максимально сгладить чересполосицу, устранить дальнотемелье, однако это получалось далеко не всегда. Поэтому активно использовалось расселение многодворных общин, дробление их на части и создание групп поселений мелкого и среднего размера. В результате практически по всем округам Уралобласти наблюдается рост численности населенных мест и снижение средней людности поселений, а в некоторых из них происходит изменение типа поселенческой сети со среднеселенной на мелкоселенную.

В целом межселенное землеустройство на Урале намечали завершить к 1935 г., но, несмотря на проведенные работы, его недостатки так и не были полностью преодолены: чересполосица, дальнотемелье, мелкоконтурность пахотных массивов сохранились и были переданы в наследство колхозной системе.

Важнейшей чертой аграрной политики 1920-х гг. стало проведение мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства, которые были ориентированы на развитие коллективных форм землепользования и создание системы государственных хозяйств. Трудовые артели, коммуны и другие разновидности коллективных хозяйств начинают создавать уже в 1918 г., но заметным явлением они стали позднее

— после окончания Гражданской войны и принятия Земельного кодекса 1922 г.

В начальный период колхозы чаще всего создавались на землях крестьянских обществ. В этом случае в результате проведения землеустроительных работ им отводился участок земли из общинного фонда, а сами колхозники оставались жить в деревне, территориально не обособляясь от других жителей. В справочнике Екатеринбургской губернии за 1923 г. такие хозяйства нередко отмечались как «деревня с трудовой артелью».

Реже колхозы создавались на незанятых землях: земельный участок отводился артели из фонда государственных земельных имуществ, это могли быть пустоши или заброшенные, необжитые территории, целина. Хозяйственное освоение таких земель, как правило, было связано с созданием нового поселения, которое регистрировалось как трудовая артель или коммуна. В частности, на территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение такого рода. Их жизнеспособность оценить однозначно трудно, т. к. большинство из них распалось, другие были в дальнейшем переименованы и фигурировали в списках уже под новыми именами. Интерес представляет пространственная структура таких поселков. По данным справочника 1923 г. в них отсутствовали индивидуальные хозяйства, а жилые постройки соответствовали, видимо, барачному типу¹⁷.

С этих позиций интерес представляет сохранившийся в архиве ГАСО альбом типовых построек для колхозов, утвержденный в 1928 г.¹⁸, в котором нашли отражение представления о «деревне будущего». В альбоме представлено три варианта проекта с различной пространственной планировкой, но везде выделен административный центр с общественным садом, вокруг которого располагались общественные здания, жилой и производственный секторы. В структуре поселка (на 60—75 человек) были предусмотрены следующие строения: 3—4 жилых дома барачного типа для размещения семейных пар, ясли-интернат, детский сад-общежитие, общежитие для «молодняка» (молодежи), общежитие для стариков, баня с прачечной, столовая с читальней, конюшня на 15 лошадей, скотный двор, кошара для овец, свинарник, амбары. Любопытно, что в проекте отсутствовали такие элементы социальной инфраструктуры, как магазин, школа, врачебный пункт, административные здания, почта, которые скорее всего виделись как учреждения, свойственные крупному населенному пункту, выполнявшему функции административного центра.

В плане отсутствовал также клуб или красный уголок — обязательные элементы колхозной деревни 1930-х гг. Роль клубов в деревенской жизни в этот период еще не была в полной мере осознана. Они начинали появляться в советской деревне в 1920-е гг., но не превратились еще в общественно-политический центр деревни. Расцвет клубной деятельно-

сти пришелся на более поздний период. Уже во второй половине 1930-х гг. клуб или изба-читальню стали рассматривать как необходимый элемент обустройства социалистической деревни. Причем первоначально он выполнял функции политико-идеологического центра: здесь лекторы читали лекции колхозникам, собирали жителей для проведения колхозных собраний и агитационных кампаний. Только в послевоенный период клуб принимает на себя функции учреждения культуры, при них стали организовывать различные кружки художественной самодеятельности.

Не было предусмотрено в схеме и административного здания. Коммуна, для которой разрабатывался проект, предполагала реализацию принципов полного самоуправления, коллективного решения всех вопросов производства и жизни в поселке. Поэтому столовая — как место сбора для всех коммунаров — заняла на плане центральное место.

Альбом типовых форм важен для нас прежде всего тем, что позволяет проследить, какие идеи были заложены в основу проектирования колхозных поселений. В них полностью была исключена возможность ведения индивидуального хозяйства: все члены колхоза должны были жить и работать совместно. Эта мысль о коммунальных принципах организации жизни в проекте доведена до логического завершения. В нем нет места семье, хозяйству, а есть коммуна, где и труд, и быт, и досуг, и воспитание детей — все осуществляется сообща.

Новым явлением в этот период стали совхозные поселки, строительство которых было связано с созданием системы государственных сельскохозяйственных предприятий. Начало совхозному строительству положил Декрет о земле 1917 г., предусматривавший открытие на базе бывших поместий социалистических сельскохозяйственных предприятий. В конце 1918 г. в РСФСР насчитывалось 3 101 государственное хозяйство, в т. ч. на Урале — 80¹⁹. Примерно в это же время появилась еще одна новая форма организации сельскохозяйственного производства, просуществовавшая вплоть до 1990-х гг., — подсобные хозяйства предприятий. Декретом Совнаркома от 15.02.1919 г. «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» на пустующих и незанятых землях предприятиям было разрешено создавать приписные хозяйства. Они выполняли функции продовольственного обеспечения работников тех промышленных предприятий или советских учреждений, к которым приписывались. К 1920 г. число государственных хозяйств на Урале выросло до 139, в т. ч. приписных 37²⁰.

Совхозы рассматривались как наиболее перспективная и соответствующая социалистическим принципам форма организации сельскохозяйственного производства. Их называли «фабриками по производству зерна и мяса», а их деятельность строилась по аналогии с промышленным производством. Развитие совхозного строительства в 1920-е гг. шло

очень неравномерно. В 1921—1926 гг. происходит сокращение числа совхозов, обусловленное во многом введением хозрасчета, перестройкой системы управления совхозами, трестированием. И только с 1927 г. их численность вновь начинает расти.

С созданием совхозов связано появление нового типа населенного пункта — совхозного поселка, который изначально воспринимался как разновидность промышленного поселения с соответствующими элементами планировки, застройки и организации. Именно тогда впервые была сформулирована идея *агрозорода* — сельского поселения будущего, которое не будет иметь ничего общего с «темной», «невежественной» деревней, а станет напоминать город-сад.

Эти идеи получили развитие при строительстве совхозных поселков, которое развернулось в 1929—1930 гг. в связи с принятием Декрета ВЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «Об организации крупных зерновых советских хозяйств». Всего за период 1930—1932 гг. число совхозов в СССР выросло с 800 до 1971²¹. Земельная площадь зерновых хозяйств в этот период составляла в среднем около 80 тыс. га, животноводческих — 100 тыс. га.

Огромные хозяйства формировали свою систему внутрихозяйственного расселения, состоящую из нескольких поселков (обычно 4—5), разбросанных по территории совхоза, которые назывались *отделениями*. Несмотря на имевшиеся типовые планы, подавляющее большинство совхозных поселков возводилось стихийно. В первую очередь строились производственные и хозяйственные помещения, а затем, по остаточному принципу, жилые постройки — землянки, бараки. С течением времени временные жилые постройки заменялись постоянными. Таким образом, в 1930-е гг. идеи коммунальной деревни получили развитие в практике строительства совхозных поселков.

В 1930-е гг. начался принципиально новый этап аграрного развития, связанный с оформлением колхозно-совхозной системы. Если в 1920-е гг. колхозы и совхозы выступали как дополнение к мелкотоварному крестьянскому хозяйству, то в 1930-е гг., в результате коллективизации, крестьянское хозяйство было поглощено укрупненными формами сельскохозяйственного производства и постепенно трансформировалось в индивидуальное подсобное хозяйство, основной функцией которого стало обеспечение семьи сельскохозяйственной продукцией. Приусадебное хозяйство стало элементом колхозно-совхозной системы и сохранилось на протяжении всего изучаемого периода, влияя на образ жизни сельского населения и динамику аграрного производства.

Для 1930-х гг. были свойственны два момента, которые, дополняя друг друга, способствовали росту сельской поселенческой сети.

Во-первых, Россия в этот период продолжала оставаться аграрным обществом, где сельское хозяйство сохраняло позиции ведущей отрасли экономики. В условиях преобладания экстенсивных технологий существовала постоянная потребность вовлечения в сельскохозяйственный оборот все новых территорий. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в развитии сельскохозяйственного переселения, которое вплоть до 1950-х гг. выступало в качестве важнейшего канала перераспределения трудовых ресурсов между перенаселенным центром и окраинами. Аграрное расселение в этот период еще не исчерпало себя, особенно на Урале, где значительная часть территорий оставалась неосвоенной.

Во-вторых, расширение системы сельского расселения стало следствием той организационной перестройки, которую переживал аграрный сектор. Массовая коллективизация, организация совхозов, строительство МТС и создание подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций — все это объективно способствовало появлению новых сельскохозяйственных поселений, соответствующих условиям укрупненного аграрного производства²².

Следует отметить, что колхозная система, сформировавшаяся в ходе коллективизации в начале 1930-х гг., в отличие от совхозов, была ориентирована на традиционную систему расселения. Более того, создание колхозов осуществлялось с учетом сложившейся поселенческой сети, воспроизводя в значительной мере общинные принципы самоорганизации, в том числе и такие недостатки землепользования, как чересполосица и дальнеземелье. В 1930—1940-е гг. подавляющее большинство колхозов включало одно поселение, что способствовало сохранению и развитию сложившейся поселенческой сети.

Вместе с тем колхозное производство внесло свои коррективы во внутривоспроизводственное территориальное устройство, приводя к появлению временных поселений, таких как полевые станы, летние фермы и лагеря и т. д., которые были необходимы для организации производственных процессов.

Идея создания бригадных полевых станов была впервые выдвинута в колхозе «Первенство» Ульяновского района Средневолжского края осенью 1932 г. Здесь значительная часть полевых угодий располагалась на расстоянии 7—10 км от населенных пунктов, в результате во время посевной и уборки на ежедневные переезды к месту работы уходило по 3 часа. Общее собрание колхозников приняло решение: на месте работы каждой бригады построить жилой дом, навес для молотбы, сарай, амбар, столовую. К лету 1933 г. уже во многих колхозах этот опыт был взят на вооружение. На полевых станах стали строить зернохранилища, амбары, бани, здесь появились детские сады, ясли и красные уголки²³.

Подобные поселения были свойственны колхозам с большим земельным фондом, разбросанным на значительном расстоянии от усадьбы. Достаточно часто они встречаются и на Урале. Только по Свердловской области в 1939 г. десятки таких поселений с количеством жителей от 3 до 14 человек встречаются в Пышминском, Белоярском и других районах²⁴.

Помимо полевых станов, появились временные и постоянные поселения, связанные с животноводством: поселки при фермах, летние лагеря. Это было принципиально новым явлениям, т. к. крупное животноводство для общинной деревни свойственно не было. Фермы стали появляться в результате обобществления рабочего и продуктивного скота и не сразу получили организационное оформление. Первоначально, в связи с отсутствием необходимых помещений, коров и лошадей продолжали держать на крестьянском подворье. В октябре 1931 г. в 11 тыс. колхозах Урала насчитывалось всего 1 748 ферм крупного рогатого скота, а к концу 1932 г. — 3 257²⁵. Для организации содержания скота требовалось капитальное строительство ферм, подсобных помещений, нередко они в соответствии с санитарными требованиями выносились за пределы деревни, ближе к пастбищам и водным источникам. Недаром животноводство на долгие годы оставалось одной из наиболее сложных проблем. Требовались значительные средства, новые технологии и организационные формы, чтобы сделать его минимально доходным. К 1939 г. на Урале насчитывалось 1 485 поселений, относящихся к категории колхозных ферм и бригад, их удельный вес составил 3,2 %²⁶.

Существенным фактором развития поселенческой сети в сельской местности стало формирование сети МТС, а затем и ее расширение — до нескольких в сельском районе. К 1940 г. в СССР было образовано около 7 тыс. новых поселков на базе МТС²⁷. Но чаще всего МТС создавались в крупных селах, имеющих статус районных центров. Поселки МТС интересны тем, что с их появлением возникают новые типы хозяйственных центров и новая периферия, что служило поводом для неоднократного перекраивания границ административных районов.

Создание колхозно-совхозной системы придало определенный импульс росту поселенческой сети, но одновременно заложило основы ее дальнейшей перестройки в соответствии с потребностями крупного производства. Первые попытки укрупнения колхозов были предприняты в стране уже в 1935—1937 гг., хотя большинство хозяйств сохранили относительно небольшой размер.

Толчком к проведению подобной практики послужило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной полосы». В нем прозвучали предложения по укрупнению мелких колхозов (до 10 дворов)²⁸. За пе-

риод с 1935 по 1938 г. по СССР численность колхозов в результате укрупнения уменьшилась на 6,4 тысяч²⁹. За последующие два года число сельхозартелей в СССР сократилось еще на 4,8 тысяч³⁰.

Укрупнение сельскохозяйственного производства стало одним из базовых принципов аграрной политики. Оно способствовало повышению управляемости аграрным сектором, создавало иллюзию «движения вперед», позволяло осуществлять перераспределение средств колхозов. Наиболее активно объединение колхозов шло в Ярославской, Калининской, Костромской областях, для которых была характерна мелкоселенность, а значит, где преобладали небольшие по размерам колхозы. Здесь сокращение численности колхозов составило 25—50 %³¹. В Свердловской области на территории Ачитского района еще до войны в результате объединения был создан колхоз «Заря» с земельной площадью 7 135 га. Хозяйство рассматривалось властями как образцово-показательное. В центре колхозных земель был построен большой поселок, где имелись библиотека, клуб, амбулатория, велось жилищное строительство³².

Важнейшим следствием укрупнения колхозов в предвоенные годы стала дифференциация сельских населенных пунктов в зависимости от их места в системе производства. Появились центральные усадьбы, а также поселки бригад и отделений, имевшие более низкий статус. Административные, общественные, образовательные, медицинские и культурно-бытовые учреждения стали концентрироваться на центральных усадьбах, создавая тем самым более благоприятные предпосылки для их развития.

С конца 1930-х гг. все более четко проявляется тенденция к концентрации населения в наиболее крупных населенных пунктах колхозов и совхозов. Уже в 1938 г. было сселено 18 131 хозяйство в Ленинградской, Смоленской, Калининской областях³³. Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г. предложил повсеместно ликвидировать хутора и переселить колхозников, проживающих там, в деревни, наделив их приусадебными участками по уставным нормам. В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21—24 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» перед местными властями была поставлена задача провести сселение хуторов до 1 сентября 1940 г.³⁴ Всего по стране в этот период на хуторах и в малодворных поселениях проживало 801 489 семей, по РСФСР — 351 тыс. дворов³⁵. По плану 1939 г. в РСФСР сселению подлежали 23 тыс. хуторских хозяйств, в том числе 8 тыс. дворов расселялись в новые поселки, а 15 тыс. — в уже существующие. На строительство и благоустройство новых поселений выделялось 45 110 тыс. рублей³⁶. Всего по СССР к 1941 г. было распланировано около 5 500 новых колхозных поселков³⁷. К 1941 г. в СССР фактически было сселено 282,1 тыс. крестьянских хозяйств³⁸. В Свердловской области по данным за 1940 г. подлежало сселению 2 599 хуторов, в т. ч.

1 957 колхозных, 363 индивидуального землепользования. К концу года было фактически сселено 2 148 хутора, т. е. 82,6 %³⁹.

Рассматривая предвоенный период, нельзя обойти вниманием еще одно направление аграрной политики — *перевод на оседлость* кочевых и полукочевых хозяйств, затронувший обширные территории страны, в т. ч. Казахстан, Сибирь, Урал. Политика оседлости полукочевого населения начала проводиться одновременно с массовой коллективизацией. В частности, в 1931 г. в Адамовском районе Средневолжского края⁴⁰ было создано 8 колхозов, где насчитывалось 874 хозяйства казахов. В 1938 г. в Чкаловской области⁴¹ было создано 36 казахских колхозов, в которых насчитывалось 2 718 семей, проживающих в 106 населенных пунктах⁴². На создание новых поселений для полукочевых народов трагически были истощены материальные ресурсы, но традицию переломить было нелегко. Семьи казахов, поселившиеся в новых поселках, нередко весной откочевывали на дальние расстояния⁴³.

Помимо казахов, объектом политики оседлости стали цыгане⁴⁴. В архивных документах неоднократно встречаются упоминания о попытках привлечения кочующих цыган к сельскохозяйственному производству. Так, например, в 1933 г. в Красноуфимском районе Уралобласти создается цыганский колхоз «Красный Восток»⁴⁵. В Челябинской области в Кунашакском районе в 1936 г. появился колхоз «Новая жизнь», объединивший 18 семей цыган. Разрабатывался план организации еще нескольких цыганских колхозов⁴⁶. Однако несмотря на все усилия властей, цыгане долго не задерживались на одном месте, продолжая кочевать.

На Урале в поле воздействия политики оседлости попали также манси. В целом переводе на оседлость по плану 1939 г. в РСФСР подлежали 2 855 полукочевых хозяйств, все они расселились во вновь построенные поселки⁴⁷.

Таким образом, 1930-е гг. занимают особое место в развитии системы сельского расселения: коллективизация и индустриализация резко меняют и экономическую, и социальную структуру советского общества, эти изменения находят свое непосредственное отражение в поселенческой сети. Здесь появились новые типы сельских поселений — поселки совхозов, МТС, подсобных хозяйств предприятий; пропагандируется новый образ деревни, соответствующий представлениям об агрогородах.

Сельскохозяйственное расселение к этому времени еще не исчерпало свои внутренние ресурсы и переживало стадию роста. Однако естественные процессы развития сельской местности испытали на себе мощное влияние политических решений: с одной стороны, они преждевременно ускорили процессы концентрации и укрупнения поселенческой сети, а с другой — замедлили развитие социально-бытовой сферы деревни и ее инфраструктуры. В целом коллективизацию можно рассматривать как

фактор, нарушивший естественный ход эволюции системы расселения. Деструктивный подход к преобразованию сельской местности постепенно начал преобладать: для того, чтобы создать новую («социалистическую») деревню, нужно было уничтожить старую.

Значительные изменения в систему сельского расселения внесла Великая Отечественная война: тысячи деревень были уничтожены, сожжены, особенно те поселения, которые находились в стратегически значимых местах: станции, мосты, транспортные узлы, пристани, пострадали деревни, расположенные в местах действий партизанских отрядов⁴⁸. Были практически целиком уничтожены многие крупные населенные пункты, использовавшиеся как опорные пункты обороны, находящиеся вблизи аэродромов, военных городков. Для сельского расселения Европейской России в целом последствия войны проявились в разрушении его каркаса.

Война затронула не только прифронтовые, но и тыловые районы, где происходила перестройка поселенческой сети в соответствии с военными нуждами. Она в первую очередь затронула городские поселения: их численность и размеры в годы войны начинают интенсивно расти, ломая естественный ход эволюции. Меньшему влиянию в тыловых районах подверглось сельское расселение, его размер в ряде регионов даже имеет тенденцию к росту за счет появления новых промышленных, лесохозяйственных и транспортных поселений. Одновременно усилились процессы концентрации: идет сосредоточение населения в крупных населенных пунктах, выполняющих роль центров для прилегающей округи. С другой стороны, в годы войны началось обезлюдение деревни в результате мобилизации и роста миграции населения. Структурная перестройка поселенческой сети дополнилась разрушением ее социальной сферы: снился уровень благоустройства и обеспеченности сельских жителей культурно-бытовыми учреждениями.

С 1943 г. на освобожденных территориях начался процесс возрождения разрушенных войной деревень. Реставрация происходила, как правило, на традиционной основе, но с элементами модернизации, в которых нашли отражение новые представления о путях развития села. Послевоенное восстановление вызвало значительные перемещения населения из глубинки к узлам каркаса расселения. Потребность в рабочей силе для восстановления городов, промышленности и транспорта способствовала росту миграции сельского населения. Несмотря на ограничения, отсутствие паспортов у сельских жителей и другие препятствия, уход сельских жителей в города в послевоенный период приобретает необратимый характер.

В 1946—1950 гг. аграрная политика была ориентирована на решение задач восстановления довоенного уровня производства, при этом основ-

ным способом достижения поставленных целей рассматривался рост производительности труда, т. е. выдвигались лозунги, связанные с интенсификацией. Но на практике мероприятия носили преимущественно организационный характер и отражали курс на экстенсивное развитие.

В четвертом пятилетнем плане перед аграрным сектором были сформулированы следующие задачи: расширение посевных площадей коллективных хозяйств, увеличение поголовья скота и машинного парка МТС, введение новых форм организации и оплаты труда, электрификация и *укрупнение хозяйств*. Причем последнее мероприятие можно считать магистральным направлением аграрной политики этого периода, оказавшим наиболее заметное влияние на перестройку сельской поселенческой сети.

Массовое укрупнение колхозов началось в 1950 г. с принятием Постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» и Постановления Совета Министров СССР от 17 июля 1951 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов»⁴⁹. В них отмечалось, что необходимым условием развития колхозного производства является его укрупнение, оно позволит использовать с наибольшей отдачей сельскохозяйственную технику, трудовые ресурсы и землю. В целом укрупнение колхозов рассматривали как один из путей повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Всего на Урале было объединено 60 % колхозов, причем наибольшего размаха этот процесс достиг в Свердловской области, где за 1950 г. количество сельхозартелей уменьшилось с 2 124 до 957, а к 1953 г. — до 721⁵⁰. Большую роль в форсировании процессов укрупнения сыграл субъективный фактор — позиция областных властей, в частности обкома партии. В Свердловской области неукрупненными остались около 200 колхозов, расположенных в северных районах. Объединить эти хозяйства, разделенные лесами и болотами, было просто нереально.

Объединение колхозов осуществлялось административными методами по принципу присоединения к сильному колхозу нескольких более слабых. На укрупненное хозяйство ложились долги вошедших в его состав колхозов. Фактически это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом плане хозяйств за счет их более зажиточных соседей. В результате появились гигантские хозяйства, включавшие более 10 артелей, как, например, колхоз им. Ленина Тугулымского района. Он был образован в результате объединения 12 хозяйств и имел общую земельную площадь более 25 тыс. га⁵¹. Причем в течение ближайших 4—5 лет предполагалось сселить все мелкие населенные пункты, имеющие до 50 дворов, на центральную усадьбу.

Любопытно, что вопросы хозяйственного укрепления «новых» колхозов неразрывно связывались с проблемой сселения малых деревень.

Об этом свидетельствуют материалы совещания работников местных сельскохозяйственных органов по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов, состоявшегося в 1950 г.⁵². Все руководители единогласно высказывались за необходимость развития и обустройства центральной усадьбы, подавляющее большинство деревень, расположенных на территории колхоза планировалось сселить. Более того, недвусмысленно заявлялось, что «без сселения ликвидировать противоположность между городом и деревней нельзя. Водопровод, канализация, детсады, разве может мелкий колхоз это сделать...»⁵³.

Всего предполагалось сселить по РСФСР 3 650 тыс. дворов, или 18,2 %⁵⁴. Был даже составлен предварительный проект постановления, однако дальше этого дело не пошло. Основной причиной приостановки планов стали финансовые трудности. Примерный расчет стоимости переноса одного пятистенного дома с надворными постройками на расстояние 7 км составил 14 933 рубля⁵⁵. Кто мог финансировать дорогостоящие мероприятия по сселению и обустройству новоселов? Колхозы, на которые пытались переложить расходы, находились в состоянии кризиса. Уже в мае 1951 г., столкнувшись с нарастающими проблемами форсированного укрупнения колхозов, Министерство сельского хозяйства в приказном порядке начинает тормозить центробежные силы: «Объединение колхозов не означает обязательного создания в каждом колхозе единого населенного пункта путем сселения деревень»⁵⁶.

Необходимость вложения больших средств и материальных ресурсов отодвинули на некоторое время проблемы переселения, и колхозы стали приспособляться к новым условиям, модифицировав традиционную уже бригадную форму организации производства на новый вариант — комплексные бригады, которые фактически создавались на месте попавших под укрупнение колхозов, воспроизводя на уровне бригады привычные формы организации труда. Таким образом, укрупнение, и это неоднократно отмечалось в документах, фактически свелось к механическому суммированию территорий и ресурсов. В результате в сельской местности формируется новое внутрихозяйственное расселение, при котором в один колхоз входили несколько поселений, а в ряде случаев их число достигало нескольких десятков. Так, например колхоз им. Дзержинского, расположенный на территории Ильинского сельсовета Пермской области, объединял в 1962 г. 76 населенных пунктов⁵⁷. К 1979 г. в среднем по СССР на один колхоз или совхоз приходится 7,5 поселений⁵⁸.

В начале 1950-х гг. сселение, несмотря на поддержку этой идеи властями, все же не стало массовым явлением. Встречаются лишь отдельные случаи плановых переселений, которые рассматривались как своеобразный эксперимент.

В целом укрупнение колхозов не было экономически оправданным: еще не существовало достаточных предпосылок для создания в массовом порядке крупных специализированных хозяйств, а форсирование этого процесса поставило хозяйства в очень сложную ситуацию, усиливая кризисные явления. Можно сказать, что кампания по укрупнению колхозов в начале 1950-х гг. по своим целям (получение дополнительных средств от колхозов и перераспределение доходов), методам (администрирование и формальное осуществление принципа добровольности) и последствиям была продолжением политики коллективизации в новых условиях и более мягкими методами. Необходимость получения дополнительных средств от сельского хозяйства было главной причиной массового укрупнения. Результаты его были не менее трагичны, чем в 1930-е гг.: нарушение существующих систем землепользования, усиление эксплуатации труда крестьянства, закрепление экстенсивных форм ведения хозяйства, углубление стагнации сельскохозяйственного производства и разрушение традиционной системы расселения.

Оценивая кампанию начала 1950-х гг., нужно подчеркнуть, что ее следует рассматривать как отражение объективных процессов кооперации и специализации сельскохозяйственного производства, свойственного индустриальному обществу. Укрупнение — это один из признаков агроперехода, индустриализации сельского хозяйства. Другой вопрос, что в условиях советского строя этот процесс приобрел деформированный характер, проводился форсированно и огульно, без учета экономических предпосылок. Создание крупного специализированного или многоотраслевого хозяйства предъявляло особые требования к технической базе, кадровому обеспечению. Ни то ни другое не могло быть выполнено в условиях кризиса начала 1950-х гг.

Процессы укрупнения продолжались и в последующие годы, новый всплеск активности в этом направлении наблюдался на рубеже 1950—1960-х гг., ускоряя центробежные тенденции в расселении. Укрупнение хозяйств неизбежно вело к перекраиванию сельской местности, изменению статуса населенных пунктов, перераспределению функций и созданию новой иерархии сельских населенных мест, где возможности развития получили центральные усадьбы, другие селения — поселки производственных подразделений, а также вспомогательные поселения при фермах и участках — вплоть до 1980-х гг. рассматривались как перспективные.

Наряду с преобразованием колхозной системы в 1950-е гг. продолжалось развитие совхозов, причем здесь выделяются два направления: первое было связано с *созданием новых совхозов на целинных и залежных землях* в 1954—1965 гг.; второе включало *преобразование экономически слабых колхозов в совхозы*. Эти мероприятия непосредственно стали ча-

стью программы, которая была разработана правительством Н. С. Хрущева для подъема сельского хозяйства страны и преодоления кризисных явлений.

Приход к власти Н. С. Хрущева положил начало новому этапу развития советского общества, получившему название «оттепели». Аграрная политика стала одним из приоритетных направлений нового руководства и в конечном итоге привела к заметным сдвигам как по производственным характеристикам, так и по показателям уровня жизни сельского населения. Но одновременно она стала причиной нового кризиса, в результате которого РСФСР из страны, экспортирующей зерно, превратилась в импортера. Пытаясь достичь мгновенного роста экономических показателей, Н. С. Хрущев делал ставку на различные «чудодейственные» рецепты, которые далеко не всегда оказывались полезными для деревни.

Первым и, пожалуй, наиболее продуктивным шагом нового правительства стали решения, принятые на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, в которых не только были признаны серьезные проблемы в развитии сельского хозяйства, но и намечены пути их решения, ориентированные на использование экономических стимулов. Наибольшее внимание уделялось повышению заготовительных цен, упорядочению системы заготовок, снижению налогов. В целом по стране сумма сельхозналога сократилась на 43 %, а в 1954 г. — в 2,5 раза по сравнению с 1952 г.⁵⁹ Были существенно снижены нормы обязательных поставок с приусадебных крестьянских хозяйств, а с 1958 г. они полностью отменялись.

Результаты не замедлили сказаться: денежные доходы колхозов в стране за 1954—1955 гг. возросли на 90 млрд рублей. Рост капиталовложений позволил значительно укрепить экономику деревни, изменилась и материально-техническая база сельского хозяйства. К концу 1958 г. сумма основных средств в колхозах Урала увеличилась в 3 раза по сравнению с 1950 г.⁶⁰.

В 1950-е гг. продолжилась электрификация уральской деревни. К 1960 г. 85,1 % колхозов и 99,3 % совхозов на Урале были обеспечены электроэнергией, что способствовало более широкому использованию ее на производстве и в быту⁶¹. Электрификация стала одним из наиболее знаменательных событий, ставших важным шагом на пути урбанизации деревни. Она позволила не только улучшить бытовые условия на селе, но и приступить к механизации трудоемких процессов. В 1955 г. 86 % совхозов региона применяли электроэнергию в земледелии, 56 % хозяйств использовали ее для приготовления кормов, 62 % — для водоснабжения ферм, 29 % хозяйств имели доильные аппараты⁶².

Крупнейшим мероприятием хрущевского десятилетия стала *целина*. Она интересна не только тем, что это крупнейший эксперимент в истории

земледелия, в результате чего в сельскохозяйственный оборот были введены более 42 млн га земли. Целинная кампания послужила толчком к заселению ранее пустующих территорий, повлияв на количественные и качественные характеристики поселенческой сети Казахстана, Урала, Сибири и Алтая.

Первоначально целинная кампания начиналась как программа расширения посевов зерновых за счет вовлечения в сельскохозяйственный оборот неосвоенных земель. Наличие свободных земель было особенно характерно для Сибири, Казахстана, Урала, Поволжья, где они составляли не менее 8,7 млн га. В условиях преобладания колхозной системы ставка сначала делалась на колхозы. Им предстояло поднять в 1954—1955 гг. около 4 700 тыс. га земель, в т. ч. в Челябинской области — 159 тыс., Башкирии — 100 тыс., Свердловской области — 9 тыс., Чкаловской — 100, Курганской — 200 тыс. га земель⁶³.

Одновременно было намечено другое направление — *организация новых совхозов*. В Чкаловской области на территории в 379 тыс. га предполагалось организовать в 1954 г. 8 совхозов, в Челябинской — 2 совхоза, а всего по РСФСР — 28 совхозов на площади 918,6 тыс. га⁶⁴.

В 1954 г. на Пленуме ЦК КПСС было принято Постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»⁶⁵, где было решено поднять в 1954—1955 гг. не менее 13 млн га новых площадей. Уральская целина занимала в этом списке достойное место: Оренбуржье, Курганская, Челябинская области, Башкирия стали активно осваиваться новоселами со всех концов страны.

Новые земли главным образом обрабатывались силами колхозов, а на наиболее отдаленных участках создавались новые совхозы. Так возникли зерносовхозы им. Горького в Челябинской области, «Урал» — в Башкирии, «Адамовский», «Восточный» и др. — в Оренбуржье, где было распахано свыше 1 млн га. Всего за 1954—1955 гг. в системе Министерства сельского хозяйства РСФСР было организовано на целинных землях 89 зерновых совхозов, из них в 1954 г. — 38, в 1955 г. — 51. В Оренбургской области было создано на целинных и залежных землях 11 совхозов, в Челябинской области — 9, в Башкирской АССР — 4. Новые совхозы организовывались как крупные механизированные зернохозяйства. В среднем на один совхоз приходилось 23 тыс. га посевной земли⁶⁶.

Освоение целины потребовало крупных капиталовложений. За 1954—1955 гг. в создание новых совхозов было вложено 1 480 млн рублей, или, в среднем, по 16 млн руб. на одно хозяйство. На эти средства удалось построить на центральных усадьбах минимальный объем жилой площади (в среднем на 1 человека приходилось около 3 кв. м), зернохранилища, магазины, столовые, пекарни, школы, ясли. В последу-

ющие годы внимание к совхозам было ослаблено. В частности, в 1957 г. на капитальное строительство в совхозах было выделено 2 044 млн руб., в 1958 г. — 1 992 млн⁶⁷. В результате к 1958 г. ситуация с жильем и благоустройством не улучшилась.

Таким образом, расширение посевных площадей за счет подъема целины стало важной составной частью аграрной политики этого времени. Но оценка данного явления неоднозначна. С одной стороны, освоение целины — это попытка увеличить производство сельскохозяйственной продукции экстенсивными методами, что традиционно для России с ее необозримыми земельными ресурсами, а с другой, целина, без сомнения, пример трудового подвига народа, которым нельзя не восхищаться. На освоение целины были затрачены огромные средства. Возникает вопрос: не слишком ли велика цена за дополнительные несколько миллионов тонн зерна? Нехватка материальных и денежных ресурсов, отсутствие дорог, плохая обеспеченность целинных совхозов рабочей силой, недостаток квалифицированных кадров — все это во многом компенсировалось энтузиазмом и верой комсомольцев и коммунистов. Целинникам на первых порах пришлось жить в землянках, в зданиях школ, хозяйственных постройках, а иногда и в шалашах, плохо был налажен быт, медицинская помощь. Многие новоселы не выдерживали этих испытаний и уезжали. В 1954 г. в совхозы Оренбургской области прибыло 5,2 тыс. механизаторов, а уехало 3 тыс., в 1956 г. уже 65,9 % из приехавших покинули целину⁶⁸.

Большой проблемой в освоении целинных земель стали сложные природно-климатические условия, незнание и неумение правильно применять агротехнику. Тяжело отозвалась и засуха 1955 г., когда собранный урожай оказался почти в 2 раза меньше, чем в предыдущие годы. Но, несмотря ни на что, к 1956 г. доход от реализации зерна, полученного с целинных земель (9 млрд рублей) полностью покрыл все расходы на строительство новых совхозов и оснащение их техникой⁶⁹, и целинная кампания была признана успешной и оправданной.

В контексте расселения освоение целины способствовало созданию новых локальных систем в ранее необжитых районах. Причем формирование поселенческой сети здесь шло по законам аграрно-индустриальной среды. Целинные поселки закладывались при проектировании совхоза в местах, соответствующих производственным требованиям, но далеко не всегда отвечающих санитарно-экологическим стандартам. Игнорировались, например, такие недостатки местности, как отсутствие питьевой воды, незащищенность от ветров, затопляемость талыми водами и пр. В результате для решения проблем благоустройства населенных мест требовались дополнительные капиталовложения.

Для целинных поселений характерен и свой — урбанизированный — вариант застройки. Уже в 1954 г. для целинных совхозов проектными организациями разрабатывались типовые планы центральных усадеб, где преобладали двухэтажные блокированные дома⁷⁰. Подобный подход к проектированию давал экономии до 800 тыс. рублей на один совхоз. Так, например, в соответствии с генеральной схемой застройки Центральной усадьбы совхоза Полевой Домбаровского района Чкаловской области, который был организован в 1954 г., планировалось построить пять четырехквартирных щитовых домов и 10 двухквартирных, 17 двухквартирных кирпичных домов и только 10 одноквартирных домов. Жилые дома индивидуальной застройки не предусматривались⁷¹. В центре поселка должна быть площадь с административными и общественными зданиями, клубом. Производственный сектор отделялся от жилого зелеными насаждениями. В результате к началу 1960-х гг. целинные поселки приобретают городские черты. Как отмечали очевидцы: «Центральные усадьбы совхозов в основном хорошо отстроены, в них разбиты парки, озеленены улицы. Они выглядят как благоустроенные рабочие поселки»⁷².

В целом на Урале за 1954—1960 гг. было освоено 2 925 тыс. га залежных земель, в 1,5 раза увеличилось производство зерна — с 8,1 млн т до 12,0 млн т в среднем за год⁷³. Но многочисленные ошибки, допущенные в ходе этой кампании, высокая цена, заплаченная за хлеб, а возможно преждевременность столь масштабных и активных действий не позволили решить хлебную проблему. Освоение целины во многом предопределило экстенсивное направление развития сельского хозяйства на ближайшее десятилетие и отодвинуло на второй план необходимость решения обострившихся проблем Нечерноземья.

Наряду со строительством совхозов с 1954 г. в нарастающем темпе проходил другой организационный процесс, который получил в литературе название «совхозизации» и был связан с *массовым переводом колхозов в совхозы*. Всего с 1954 по 1980 гг. в РСФСР было преобразовано 17 тыс. колхозов, причем наиболее интенсивный этап реорганизации, по мнению В. Я. Романченко, приходился на 1954—1965 гг.⁷⁴ На первом этапе преобладали экономические мотивы, по которым слабые колхозы реорганизовывались в совхозы с целью увеличения государственных капиталовложений в развитие хозяйства. В дальнейшем преобразование колхозов в совхозы приобрело в большей степени идеологическое звучание. Государственные формы хозяйствования рассматривались как наиболее адекватные задачам «строительства коммунизма»: их считали более передовыми и прогрессивными, чем коллективные, поэтому государственные хозяйства в перспективе должны были вытеснить кооперативные. Таким образом, во второй половине 1950-х гг. значительно возрастает роль совхозов в аграрном секторе. На Урале особенно высокий

удельный вес совхозы имели в Челябинской и Свердловской областях, а самый низкий — в Пермской области и в Удмуртии, где коллективные хозяйства остались преобладающей формой организации производства.

В Челябинской области уже в 1954 г. первые 19 колхозов были преобразованы в совхозы. На Среднем Урале этот процесс начался в 1957 г., на Западном Урале — в 1964 г. Только в 1960 г. в Оренбургской, Свердловской и Челябинской областях на базе бывших колхозов было создано около 200 государственных хозяйств, а всего за 4 года на Урале 967 колхозов реорганизовали в 120 совхозов. Для многих слабых хозяйств это имело положительное значение, т. к. работники получали более высокий и стабильный заработок, укреплялась материально-техническая база новых хозяйств. Но нередко в число реорганизованных совхозов попадали сильные в экономическом отношении колхозы, такие как, например, колхоз «Заря» Ачитского района Свердловской области. Для них реорганизация не дала положительных результатов, тем более что в целом совхозы в 1930—1950-е гг. были более убыточными, чем колхозы, и всегда находились на дотации государства.

Характерно, что преобразование колхозов в совхозы сопровождалось увеличением земельных массивов хозяйств, усиливая процессы концентрации населения и производства. В этом же направлении действовала и другая крупная акция власти. В 1958 г. февральский пленум ЦК КПСС постановил реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические (РТС)⁷⁵, а технику передать на определенных условиях в колхозы. Для облегчения покупки техники колхозам списывали задолженности прошлых лет, выдавали кредиты. Создание собственного машинно-тракторного парка не могло не отразиться на экономике колхозов: существенно возросли расходы хозяйств; кроме того, поспешность, с которой прошла реорганизация МТС, спровоцировала такое количество финансовых, технических и организационных проблем, что они перевешивали плюсы от приобретения техники. Вместе с тем реформа подтолкнула процессы, связанные с концентрацией производства, объединением хозяйств в более крупные организационные формы.

Итоги аграрной политики 1950-х — первой половины 1960-х гг., как и ее содержание, достаточно противоречивы. В ее рамках можно выделить два этапа: 1) 1953—1956 гг. — время, когда наиболее последовательно предпринимались попытки использовать экономические рычаги, материальные стимулы для обеспечения подъема сельского хозяйства, что и принесло наиболее ощутимые результаты; 2) 1957—1964 гг., когда произошла постепенная переориентация на преимущественно организационные преобразования аграрной сферы и перед сельским хозяйством ставились нереальные задачи и проводились всевозможные «научные» эксперименты, которые должны были обеспечить быстрый рывок вперед.

Все это не могло не отразиться на состоянии сельского хозяйства: в первой половине 1960-х гг. в аграрной сфере назревает новый кризис.

Свой вклад в углубление аграрного кризиса внесла непродуманная политика, направленная на ограничение личных приусадебных хозяйств крестьян, в результате чего меняется размер и структура приусадебных наделов, отражаясь в планировке сельских населенных пунктов. Наступление на личное подсобное хозяйство — долговременная тенденция, которая проявилась уже в конце 1930-х гг. с принятием Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания»⁷⁶. В дальнейшем в послевоенный период в рамках «борьбы» с нарушениями Устава шло изъятие так называемых отрезков — участков земли, превышающих установленный размер надела. В 1954 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О порядке рассмотрения заявлений колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности на территории колхозов, об уменьшении размеров приусадебных участков», которое закрепило наметившуюся тенденцию к сокращению земельных наделов⁷⁷. А во второй половине 1950-х гг. в ходе принятия новых колхозных уставов эта тенденция получила дальнейшее развитие, дополняя мероприятия правительства по сокращению приусадебного животноводства и способствуя организационной перестройке приусадебного хозяйства крестьян. По состоянию на 1.01.1963 г. средние земельные наделы в приусадебных хозяйствах существенно сократились и составляли в среднем по Уралу 0,2—0,3 га, а по отдельным регионам, например Курганской и Челябинской областям, и того меньше⁷⁸.

Изменение размеров и структуры приусадебного землепользования было непосредственно связано с программой реконструкции советской деревни, в рамках которой предусматривалось создание принципиально новой жилой среды, отличной от традиционной деревни. В конце 1950-х гг. с развитием в сельской местности массового жилого и культурно-бытового строительства начинает активно внедряться многоэтажная застройка, формируя новый, урбанизированный облик деревни. Строительство двух-четырёхэтажных домов в перспективных поселениях стало достаточно распространённым явлением. В новых условиях трансформировалось представление о приусадебном участке, его предназначении. Появилось даже новое понятие — *приквартирное хозяйство*. В этом случае небольшой земельный надел, выделявшийся семье, мог выноситься за пределы поселения. В результате менялись технологии и структура хозяйства: сокращались посевные площади, особенно под овощи, требующие постоянного ухода, и животноводство.

В целом аграрная политика второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. привела к ухудшению состояния аграрного производства, и в

определенной степени способствовала закреплению его экстенсивной направленности. Наступление на приусадебные хозяйства объективно вело к росту миграционных настроений крестьян. Те социальные гарантии, которые получили колхозники и сельское население в конце 1950-х гг. (пенсии, пособия, минимальная денежная оплата труда и снижение налогов), не смогли преодолеть разрыв в уровне жизни между городом и деревней. В результате не были решены ни производственные, ни социальные задачи подъема села. Хотя из всех периодов советской власти хрущевское десятилетие демонстрировало наиболее позитивную динамику, способствуя росту уровня жизни сельского населения.

Новая попытка изменения ситуации в сельском хозяйстве была связана с реформами 1965 г., ориентированными на интенсификацию сельскохозяйственного производства и использование экономических рычагов в управлении экономикой. Переломным моментом стал мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г., на котором было заявлено о необходимости реализации следующих мероприятий: переход к твердым долгосрочным планам заготовок сельскохозяйственных продуктов, повышение заготовительных цен, изменение принципов налогообложения колхозов и совхозов⁷⁹. Предложено было оценивать деятельность предприятий исходя из уровня их рентабельности. Был провозглашен курс на интенсификацию и специализацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и освоение новых земель. Изменилось и отношение власти к личным приусадебным хозяйствам. Ограничения, введенные в конце 1950-х гг., были признаны ошибочными, а местным властям предписывалось оказывать помощь населению в обзаведении скотом, обеспечении кормами, обработке земли.

Годом раньше, на февральском пленуме 1964 г., были определены основные направления интенсификации: химизация земледелия и животноводства; внедрение комплексной механизации; развитие орошаемого земледелия; специализация хозяйств, — в соответствии с которыми строилась аграрная политика и шло финансирование в 1960—1980-е гг.⁸⁰

В комплекс мер по повышению эффективности сельского хозяйства были включены мероприятия по специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. По расчетам экономистов того времени крупные специализированные предприятия промышленного типа с высоким уровнем механизации и автоматизации работ обеспечивали более высокую экономическую эффективность: в частности, затраты труда на единицу продукции в кооперативных предприятиях оценивались в 2,5 раза, а себестоимость в 1,5—2 раза ниже, чем в неспециализированных хозяйствах⁸¹. На это направление возлагались большие надежды.

Не вдаваясь в оценку итогов политики интенсификации, а она в конечном счете не достигла поставленных целей, а экстенсивный характер сельского хозяйства так и не был преодолен, остановимся более подробно на тех ее аспектах, которые непосредственно повлияли на поселенческую сеть, — концентрацию сельскохозяйственного производства и интеграцию его с промышленным. В совокупности они способствовали дальнейшей концентрации сельского расселения и трансформации его в агропромышленное.

В годы восьмой и девятой пятилеток были осуществлены меры по концентрации всех отраслей земледелия, животноводства, птицеводства. В частности, птицеводство было сосредоточено на предприятиях треста «Птицепром». В русле развития кооперации создавались межхозяйственные объединения, специализированные молочно-мясные фирмы. В 1960-е гг. в Свердловской области было организовано 96 мясо-молочных, 67 молочно-мясных, 10 свиноводческих и 4 птицеводческих хозяйств⁸².

Апогеем политики межхозяйственной кооперации, специализации и агропромышленной интеграции стало создание *агропромышленных комплексов*, под знаком которых прошли 1970—1980-е гг. Толчком этому движению послужило Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1976 г.⁸³ Результатом реализации решений был рост численности специализированных совхозов, животноводческих комплексов, птицефабрик и других предприятий, где широко внедрялась промышленная технология. Общее количество межхозяйственных предприятий на Урале за десятую пятилетку выросло с 35 до 141. Их участниками стали 987 колхозов и 566 совхозов. Наиболее успешно межхозяйственное кооперирование развивалось в животноводстве. В 1980 г. на Урале функционировало 19 межхозяйственных предприятий по производству продуктов животноводства, из них 17 свиноводческих, 2 — по доращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота⁸⁴.

Распространение новых форм организации производства способствовало дальнейшей концентрации расселения. Для обеспечения работы мясо-молочных или свиноводческих комплексов требовались сотни рабочих рук. Рядом с каждым вновь построенным предприятием возникали жилые поселки с необходимой инфраструктурой и благоустройством. Этот процесс стал одним из наиболее очевидных проявлений урбанизации сельской среды.

Таким образом, с 1964 г. лозунг интенсификации стал своего рода знаменем аграрной политики, и это закономерно. Реализация мер по интенсификации была неизбежной, в условиях формирования индустриального общества миновать этот путь было нельзя. В 1960-е гг. сложились необходимые предпосылки для перехода на интенсивные формы хозяй-

ствования, впервые появилась объективная возможность их реализовать. Каков же итог? Было достигнуто без сомнения много, но «генетические» особенности социалистической системы, основанной на принципах планового руководства, отраслевого управления и остаточного финансирования сельского хозяйства, где так и не заработал механизм материальной заинтересованности тружеников колхозов и совхозов, неизбежно вели к тому, что сельскохозяйственное производство в целом сохранило свой экстенсивный характер. Политика интенсификации не привела к перестройке сельского хозяйства, оно оставалось малоприбыльным и неэффективным.

В 1982 г. была принята Продовольственная программа, которую можно рассматривать как открытое признание кризиса, сложившегося в сфере производства продуктов питания. В программе констатировались недостатки развития сельскохозяйственных отраслей и предлагался комплекс мер, направленных на преодоление кризисной ситуации, в том числе на развитие инфраструктуры и жилищное строительство в сельской местности⁸⁵. Основное внимание при этом уделялось формированию и развитию агропромышленного комплекса, предусматривались меры по дальнейшей механизации сельскохозяйственного производства, химизации, улучшению кормовой базы животноводства, использованию новых интенсивных технологий, а также стимулированию материальной заинтересованности сельских тружеников.

Тенденция спада сельскохозяйственного производства, характерная для предыдущего периода, получила свое дальнейшее развитие в 1985—1990-е гг. В экономике страны нарастали внутренние противоречия, ресурсы административно-командной системы истощались, поток нефтедолларов уже не мог компенсировать затратный характер производства. Необходимость радикальных преобразований становилась все более очевидной. На XXVI съезде КПСС была предложена программа ускорения экономического развития страны, в которой предусматривался ряд мер по интенсификации экономики. Съезд положил начало бурному, противоречивому периоду, получившему в обществе название перестройки, и последующим реформам, изменившим государственное, политическое устройство страны и ознаменовавшим переход к рыночной модели экономики.

Сельское хозяйство оказалось в центре социально-экономических преобразований, в полной мере испытывая на себе ошибки, заблуждения и трудности переходного периода. В его развитии за последние десятилетия XX в. можно условно выделить два периода: 1986—1990 гг. и 1990-е гг., границей между ними послужили законы 1990 г. «О собственности в РСФСР», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О земельной реформе». Эти законодательные акты создали основу для развития

многоукладности в аграрной сфере, затронув не только формы организации производства, но и отношения собственности на землю, средства производства, а также способы регулирования хозяйственных процессов.

До 1990 г. в организационном плане основу аграрной экономики составляли колхозы, совхозы, различного рода объединения в виде агрофирм, реализующие идею агропромышленного комплекса. В целом по России в 1987 г. насчитывалось 12,4 тыс. колхозов, 12,8 тыс. совхозов. К 1990 г. количество колхозов и совхозов несколько возросло и составило соответственно 12,9 и 13,0 тыс., одновременно статистикой было зафиксировано 67 агрофирм⁸⁶.

Общий спад экономики отразился и на состоянии аграрной сферы. Если в 1981—1985 гг. на Урале в среднем за год производилось 15 677 тыс. тонн зерна и 4 917 тыс. тонн картофеля, то в 1986—1990 гг. соответственно 14 657 и 4 900 тыс. тонн⁸⁷. Практически по всем областям и республикам региона произошло сокращение производства сельскохозяйственных культур, в наибольшей степени оно охватило Свердловскую и Курганскую области. Тенденция спада была характерна также и для животноводства, хотя темпы падения здесь оказались ниже, чем в земледелии⁸⁸.

Очень остро в этот период встал вопрос о модернизации и совершенствовании материально-технической базы колхозов и совхозов. С 1985 г. стали активно пропагандировать идеи коллективного и семейного арендного подряда. В 1989 г. за арендными коллективами в Свердловской области было закреплено 25 % пашни, 15—17 % поголовья скота, произведено 20 % продукции. Однако успехи отдельных арендных коллективов не могли оказать принципиального влияния на положение дел в сельском хозяйстве, хотя подготовили почву для развития фермерского движения в стране. На Урале этот процесс развернулся с 1989 г.

Фермерские хозяйства создавались на заброшенных обособленных землях. В Свердловской области первые фермерские хозяйства появились в совхозах «Толмачевский» Алапаевского района, «Каменский» Каменского района и др. После принятия законов о собственности и земле, а также разработки программы помощи фермерам начался быстрый рост их численности. Если на 1 июля 1990 г. таких хозяйств насчитывалось в России 890, то уже к концу 1991 г. — свыше 20 тыс. В Уральском регионе на 1 мая 1991 г. было свыше 2 800 крестьянских хозяйств⁸⁹.

Создание фермерских хозяйств проходило различными путями. Один из них — расширение личных приусадебных хозяйств, главным образом за счет накопленных сбережений и опыта. При всех положительных сторонах этого варианта, семей, которые имели возможность на свои средства организовать товарное производство, оказалось очень мало.

Наиболее распространенный вариант фермеризации — это использование ссуды и помощи предприятий. Так, в Петуховском районе Курганской области на месте бывшей деревни Анатольевка осенью 1989 г. создается фермерское хозяйство Н. Г. Ушакова. Ему было передано 200 га земли, кредит до 45 тыс. рублей. Фермер решил выращивать зерновые и крупяные культуры. В среднем на одно фермерское хозяйство в начале 1990-х гг. в зоне Урала приходилось 42 га земли, причем на Южном Урале хозяйства были в 1,5—2 раза крупнее, чем в Нечерноземных областях⁹⁰. Чаще всего хозяйства специализировались на выращивании скота, производстве семян трав и пчеловодстве.

Уже первый опыт деятельности фермерских хозяйств высветил целый ряд проблем, от решения которых зависела их дальнейшая судьба: слабая техническая и финансово-экономическая база, отсутствие правовой и организационной поддержки со стороны властей, противодействие чиновников на местах; немаловажное значение имели и психологические факторы, т. к. нередко вокруг фермеров создавалась тяжелая атмосфера недоверия, недоброжелательности и зависти со стороны окружающих их соседей.

Большой удар по процессу фермеризации нанесла либерализация цен и высокие темпы инфляции, которые установились в экономике с 1992 г. Чтобы построить жилые и производственные объекты, приобрести технику, были необходимы большие средства, которых не было ни у фермеров, ни у государства. Принципиальная невозможность разрешить все эти проблемы в короткий срок влияла на процесс организации фермерских хозяйств и приводила к нежелательным явлениям, связанным со спекуляцией землей, разорением уже существующих хозяйств. По наблюдениям В. Л. Берсенева, летом 1993 г. в России насчитывалось уже 258,1 тыс. крестьянских хозяйств со средним наделом в 42 га. Владея 3,9 % пашни, они произвели только 0,9 % валовой продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении⁹¹, т. е. говорить о каком-либо существенном вкладе фермеров не приходится.

Законодательные акты 1990 г. положили начало глубокой организационной перестройке аграрного сектора. Наряду с появлением фермерских хозяйств стали меняться организационно-правовые формы колхозов и совхозов. Фактически произошло разрушение колхозно-совхозного строя, а адекватная замена ему пока не найдена. Колхозы и совхозы на протяжении всей своей истории не смогли обеспечить необходимый уровень развития аграрного производства в стране. И в этом не столько их вина. Они функционировали в рамках определенной экономической системы, которая развивалась под давлением идеологических и политических доктрин, без учета экономических закономерностей. В ее рамках любые формы организации производства — колхозы, совхозы, фермер-

ские и личные хозяйства — были неэффективными. Они реализовали свой потенциал ровно настолько, насколько это позволила сделать система.

Разрушение колхозно-совхозного строя в его традиционном варианте, экономический кризис, который охватил страну в 1990-е гг., и головокружительные темпы инфляции многократно усилили спад сельскохозяйственного производства, поставив крестьянство и сельскую местность в невероятно тяжелые условия.

Подводя итог аграрному развитию России и Урала в XX в., следует подчеркнуть, что, несмотря на декларируемые властями формационные отличия, свойственные дореволюционной и советской России (а они действительно имели место), основная направленность развития экономики определялась другими, более глобальными факторами — индустриализацией, формированием индустриального общества, что нашло отражение в постепенном переходе от традиционного мелкотоварного производства к крупному, основанному на механизации, специализации и кооперации сельскохозяйственного труда. И это непосредственно отразилось на сельском расселении, которое «подстраивается» под новые организационные формы, трансформируется в соответствии с требованиями индустриального общества. Его основными чертами стали концентрация и укрупнение при общем сокращении численности сельскохозяйственных населенных пунктов и постепенная перестройка равномерной поселенческой сети в очаговую.

Причем эта перестройка произошла в достаточно сжатые сроки — во второй половине XX в. Вплоть до 1950-х гг. те перемены, которые происходили в сельскохозяйственной отрасли, не затрагивали существующую поселенческую сеть, а скорее способствовали ее расширению за счет появления новых видов поселений. Начиная с 1950-х гг., когда на передний план вышли процессы концентрации, специализации и кооперации сельскохозяйственного производства, ситуация меняется. Появление крупных колхозов и совхозов привело к формированию новой внутрихозяйственной системы расселения и ускоренной перестройке поселенческой сети, связанной с ростом хозяйственных центров и постепенным обезлюдением периферийных поселений. Эта трансформация расселения из относительно равномерного в очаговое, которую мы можем наблюдать в 1950—1970-е гг., выступает закономерным следствием индустриализации сельскохозяйственной сферы и замены мелкотоварного производства крупнотоварным.

---

¹ *Корнилов Г. Е.* Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург, 2004. С. 136.

- ² См., например: *Нестерова К. С.* Повышение эффективности сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1977; *Зинченко А. П.* Эффективность сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1979; *Котов Г. Г.* Что такое эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1975; и др.
- ³ Программа Коммунистической партии Советского Союза // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10: 1961—1965. М., 1986. С. 136.
- ⁴ Постановление пленума ЦК КПСС «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрого увеличения производства сельскохозяйственной продукции» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 10. С. 401.
- ⁵ *Коффорд А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1. С. 5.
- ⁶ Там же. Т. 2. С. 694.
- ⁷ Судьбы российского крестьянства. С. 36.
- ⁸ Борьба за победу Октябрьской Социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 29—30.
- ⁹ *Тюкавкин В. Г.* Великоурское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. С. 266.
- ¹⁰ Земельный Кодекс РСФСР 1922 г. // Сб. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954. М., 1954. С. 156—179.
- ¹¹ *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 160.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 1—16. Свердловск, 1928.
- ¹⁵ Землепользование и перспективы землеустройства на Урале. Свердловск, 1926. С. 9.
- ¹⁶ Там же. С. 126, 132.
- ¹⁷ Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 193.
- ¹⁹ *Зеленин И. Е.* Совхозы в первое десятилетие советской власти, 1917—1927. М., 1978. С. 81.
- ²⁰ Там же. С. 83

-
- ²¹ Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928—1941. С. 22.
- ²² См. подробнее: Мазур Л. Н. Аграрная политика 1930-х гг. как фактор эволюции российской деревни (по материалам Урала) // Урал. ист. вестн. № 9. Проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург, 2003. С. 227—239.
- ²³ История советского крестьянства. Т. 2. С. 301.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811.
- ²⁵ Урал в панораме XX века. С. 219.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.
- ²⁷ Ковалев С. А. Сельское расселение (Географическое исследование). С. 124.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1057. Л. 11.
- ²⁹ Там же. Л. 10, 12.
- ³⁰ История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 891. Л. 234.
- ³² Там же. Д. 1051. Л. 44.
- ³³ Там же. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 60.
- ³⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. С. 402.
- ³⁵ История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ³⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 24, 71.
- ³⁷ История советского крестьянства. Т. 3. С. 28.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 151—152.
- ⁴⁰ В 1934 г. в результате административно-территориальной реорганизации из территории Средневолжского края была выделена Оренбургская область.
- ⁴¹ В 1938 г. Оренбургская область была переименована в Чкаловскую и сохраняла это название до 1959 г.
- ⁴² ГАОО. Ф. 846. Оп. 2. Д. 77. Л. 2.
- ⁴³ Там же. Ф. 2443. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

- ⁴⁴ См., подробнее: *Килин А. П.* Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926—1937) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 187—227.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 154. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Д. 156. Л. 2; Д. 157. Л. 92.
- ⁴⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 24, 71.
- ⁴⁸ См., подробнее: *Мазур Л. Н.* Уральская деревня в годы войны (1941—1945 гг.): поселенческий аспект // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: Материалы Междунар. конф., г. Адлер, 27—31 мая 2005 г. Краснодар, 2005. С. 133—137.
- ⁴⁹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1959. С. 500, 534—536.
- ⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 131. Л. 195; Оп. 50. Д. 211. Л. 4.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1040. Л. 46.
- ⁵² Там же. Д. 902. Л. 87.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 369. Л. 27
- ⁵⁴ Там же. Д. 284. Л. 61
- ⁵⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1051. Л. 53. Расчет составлен по колхозу им. Кирова Красноуфимского района Свердловской области.
- ⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1040. Л. 4.
- ⁵⁷ ГАПО. Ф. 564. Оп. 3. Д. 1170. Л. 161.
- ⁵⁸ *Алексеев А. И.* Многоликая деревня (население, территория). С. 91.
- ⁵⁹ *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в 50-е годы. С. 23.
- ⁶⁰ История Урала. Т. 2. С. 358.
- ⁶¹ История народного хозяйства Урала (1946—1985). Ч. 2. С. 72.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 4170. Л. 143, 188, 197.
- ⁶⁴ Там же. Л. 205.
- ⁶⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 8. С. 359—391.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 1307. Л. 39.
- ⁶⁷ Там же.

-
- ⁶⁸ *Мотревич В. П.* Освоение уральской целины // Пробл. истории регион. развития: население, экономика, культура Урала и сопред. территорий в сов. период. Екатеринбург, 1992. С. 54
- ⁶⁹ РГАЭ. Ф. 486. Оп. 21. Д. 378. Л. 31.
- ⁷⁰ РГАЭ. Ф. 8216. Оп. 1. Д. 73. Л. 24.
- ⁷¹ ГАОО. Ф. 1081. Оп. 4. Д. 2401. Л. 1—5.
- ⁷² ГАОО. Ф. 1014. Оп. 7. Д. 546. Л. 12.
- ⁷³ *Мотревич В. П.* Освоение уральской целины. С. 56.
- ⁷⁴ *Романченко В. Я.* «Совхозизация» сельского хозяйства в России: исторические сроки и социально-экономические результаты (1950—1980 гг.) // Особенности рос. земледелия и проблемы расселения. Тамбов, 2000. С. 269—273.
- ⁷⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9. С. 229—235.
- ⁷⁶ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 566—568.
- ⁷⁷ ГАПО. Ф. 1090. Оп. Д. 3139. Л. 73.
- ⁷⁸ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 339. Л. 10.
- ⁷⁹ Постановление пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 10. С. 426—431.
- ⁸⁰ Постановление пленума ЦК КПСС, 10—15 февраля 1964 г. «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции» // Там же. С. 398—414.
- ⁸¹ *Нестерова К. С.* Повышение эффективности сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1977. С. 35.
- ⁸² Развитие сельского хозяйства в Свердловской области за годы советской власти (1917—1987 гг.). С. 46.
- ⁸³ Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 13. С. 96—109.
- ⁸⁴ История народного хозяйства Урала (1946—1985). Ч. 2. С. 186
- ⁸⁵ *Шарыгин М. Д., Макарова Г. Т., Свисткова А. М.* Агропромышленный комплекс Уральского Нечерноземья. Пермь, 1986. С. 12.
- ⁸⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Стат. ежегодн. С. 392.
- ⁸⁷ Там же. С. 426, 436.

⁸⁸ Там же. С. 460.

⁸⁹ *Морозов А., Подгорбунских П.* Проблемы фермеров Урала // Урал. нивы. 1991. № 12. С. 8—9.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Берсенов В. Л.* Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. С. 128.